

Жил на свете Тот, чьего имени никто не знал. Он не был совсем безымянным: он прожил тысячу жизней, повидал тысячу мест и назывался тысячью разных имен, но все они были ненастоящие. Все потому, что давным-давно люди договорились о том, что не будут произносить его истинного имени вслух, и оно потерялось, растворилось во времени, как кусочек рафинада в наполненном чаем стакане. Да и сам он не знал, где искать свое имя: сперва он просто отвык на него отзываться, а затем дошло до того, что он насовсем забыл, как его зовут. С тех пор Тот, чьего имени никто не знал, стал недолюбливать людей: вдруг они спрячут и позабудут его самого? Тем более что чем дольше он путешествовал по нашему миру, тем сильнее уверялся в хрупкости человеческой памяти.

Однажды он родился диким зверем в лесу на острове, со всех сторон опоясанном Большой водой. Первые недели он ничего не слышал и не видел, но все равно чувствовал, что происходит вокруг: изучал запах хвойных веточек, нечаянно заглядывающих в его берлогу, радовался материнскому теплу и боязливо вздрагивал каждый раз, когда его, еще не обросшего шерстью, щипал за уши холодный февральский ветер. Целыми днями он дремал и думал о том, как здорово было бы, если б весна наступила чуть-чуть пораньше. Однако звери, в отличие от людей, умеют ждать,

особенно когда речь заходит о вещах, которые мы не можем ни ускорить, ни замедлить, поэтому Тот, чьего имени никто не знал, всегда отгонял такие мысли своей маленькой, пока неокрепшей лапкой и крепко-крепко засыпал.

А потом пришли люди. В день, когда они обнаружили его укутанную снегом берлогу, липкий аромат еловых иголок перебил резкий запах крови, а шкура его матери стала краснее, чем закатное солнце в безоблачный день. Люди увели его из леса и дали постель в чьем-то большом доме, а кормилицей ему стала человеческая женщина.

Целый год он прожил так, что ему позавидовали бы многие люди, но так, что над ним посмеялись бы многие звери. Вместо того чтобы резвиться и баловаться у подножий волшебных зеленых сопков, он бродил по маленькому огороду или вообще сидел в тесной клетке из тонких бревен. Вместо того чтобы учиться ловить рыбу и искать ягоды, он принимал подношения от деревенских. Жизнь у него была сытая, но безрадостная, и в то же время он с нежностью думал о женщине, заменившей ему мать, и о девочках и мальчиках, ставших его братьями и сестрами, и они тоже очень его любили.

Прошло еще какое-то время, и его наконец-то вывели из дома и повели на самое главное место в деревне. Он сразу понял, что к ним пришел праздник, а какой – не знал. Все вокруг сливалось

Целыми днями он дремал и думал о том, как здорово было бы, если б весна наступила чуть-чуть пораньше. Однако звери, в отличие от людей, умеют ждать, особенно когда речь заходит о вещах, которые мы не можем ни ускорить, ни замедлить...

в большой разноцветный хоровод: красные циновки, усыпанные причудливыми узорами кимоно, старые сервизы. Из-за повисшего в воздухе кислого запаха саке стало труднее дышать.

Люди ликовали. Наверное, они были очень счастливы. Того, чьего имени никто не знал, привязали к столбу, и каждый житель деревни подбегал к нему и, улыбаясь и протирая влажные глаза, на языке без азбуки и цифр шептал ему послания почившим предкам. «Если я сумею встретиться с вашей бабушкой перед следующим перерождением, то я, конечно, передам ей ваши слова, – думал он, – но это очень маловероятно». Люди из этого селения верили, что внутри этого связанного детеныша не какой-нибудь Тот, чьего имени никто не знал, а спустившееся в гости божество, которому теперь надо помочь вернуться домой – отправить его дух на небеса. И поэтому когда все жители попрощались со зверем, его окружили самые сильные местные мужчины и расстреляли его из луков.

Он не страшился смерти. Он даже почти не чувствовал нанесенных ему ран. Куда болезненнее для него было то, что все вокруг радовались его смерти, даже его названная мать. «Так будет лучше для него», – наверное, так она и думала. В этой жизни Тот, чьего имени никто не знал, понял, что люди, убежденные в истинности своих выдумок (а это действительно были просто выдумки; он знал

это, потому что прожил тысячу жизней и много что повидал), готовы ради них погубить даже тех, кого растили как родных детей.

Перед тем как начать новую жизнь, Тот, чьего имени никто не знал, горько-горько заплакал, но люди приняли его рыдания за животный рык.

В другой раз Тот, чьего имени никто не знал, родился в теле мягкой игрушки – совсем небольшой, размером с коробку из-под чайника. У него были очень черные и очень грустные бусинки-глаза и холодный кожаный нос. Он и еще несколько плюшевых зверят были лучшими друзьями одного шестилетнего мальчика Бори: отец дарил ему по игрушке на каждый день рождения, и Тот, чьего имени никто не знал, был самым первым и самым старшим.

Их веселая компания была неразлучна. Вместе они исследовали огромный, полный тайн и загадок мир, в который в фантазиях ребенка превращался их дом и ближайший парк. Мальчик всегда играл роль командира экспедиции, а его верные друзья – его ближайших подчиненных. Тот, чьего имени никто не знал, например, отвечал за картографирование.

Как-то раз, когда в блестяще-зеленую листву деревьев потихоньку начинали прокрадываться золотистые листочки, а Боре вот-вот должно было исполниться семь, они отправились в очередное путешествие по зачарованным местам. Правда, только вдвоем – мальчик и наш герой. Дело в том, что Боре нужно было сообщить друзьям кое-что очень важное, но не решался сказать это «кое-что» всем сразу. А Тому, чьего имени никто не знал, он доверял больше всех и знал, что тот обязательно передаст другим. Он же картограф. Это же входит в его служебные полномочия, да?

– Ты знаешь, друг, – начал вдруг Боря, когда они поднялись на самую высокую горную вершину континента (холм возле прудика с мутной водой), – с первого числа я иду в школу.

– В школу? Это какая-то новая экспедиция? – переспросил Тот, чьего имени никто не знал, притворившись, что задумался.

Он, несомненно, знал, что такое школа, потому что прожил тысячу жизней и видел тысячу школ (ну, может, меньше, но ненамного).

– Наверное, так тоже можно сказать. Только эта экспедиция для меня одного. – Поковыряв носком ботинка влажную землю, он продолжил: – В школу нельзя брать с собой плюшевых зверей, даже если они очень умные. Так мне папа сказал.

Его собеседник мог лишь тяжело вздохнуть. Он знал, что рано или поздно это произойдет, но ему все равно было обидно.

Перед тем как покинуть тело одинокой мягкой игрушки, он долго-долго смотрел на парк, в котором он когда-то был так счастлив со своими друзьями. Капли дождя, на секунду замирающие на его круглых глазах, выглядели как слезы.

– Но ты же будешь навещать нас после занятий? – наконец спросил он у мальчика голосом, чуть подрагивающим от волнения.

Тот молча кивнул.

– Ну вот и славно!

Первое время Боре не составляло труда сдерживать свое слово. Он с большой радостью возвращался к любимым игрушкам после просиженных в душных классах часов, и они снова и снова отправлялись навстречу приключениям Бороного волшебного мира. Однако шли годы, и мальчик все больше заботился об отличных оценках и футбольных соревнованиях и все меньше о своих старых друзьях и заходил к ним повидаться, казалось, чисто из вежливости.

– Как твои дела? – обычно спрашивал он у Того, чье имя никто не знал, и чесал у него за круглым, как баранка, ушком.

И только он придумывал, что ответить Боре, тот уже завязывал шнурки и выбегал во двор.

Очень скоро игрушек потеснили на полках толстые книги со странными, будто инопланетными, буквами и значками, и Боря совсем перестал общаться с бывшими членами его экспедиций, даже не переживал, когда забывал с ними здороваться. А когда ему исполнилось восемнадцать лет, он и вообще уехал из родительского дома. Даже не попрощавшись.

А Тот, чье имя никто не знал, не отчаивался и ждал его на крылечке. Июльское солнце и октябрьские дожди не щадили его нежную, как шелк,

шерстку и синтепоновые лапки, и вскоре он совсем одряхлел. Но Боря все не возвращался. «Он ушел навсегда», – думал про себя наш герой, и это самое «навсегда» звенело в его голове, как молот по раскаленному железу. В этой жизни Тот, чье имя никто не знал, осознал, насколько переменчивы и недолговечны человеческие чувства.

Перед тем как покинуть тело одинокой мягкой игрушки, он долго-долго смотрел на парк, в котором он когда-то был так счастлив со своими друзьями. Капли дождя, на секунду замирающие на его круглых глазах, выглядели как слезы. А как-то раз Тот, чье имя никто не знал, очнулся человеком. Меньше всего он желал себе такой жизни. К тому же это было тело взрослого; это могло означать только то, что до него здесь уже побывала чья-то душа.

Когда он открыл глаза, он не увидел ничего, кроме белого света, как будто он был на дне Молочной речки. Монотонный писк действовал на нервы. Не прошло и нескольких минут, как вокруг него слетелись люди в столь же ослепительно белых, как все вокруг, одеждах. Он понял, что это были врачи.

– Артур Михайлович! – охнул один из них. – Мы думали, что уже потеряли вас.

«Судя по всему, Артура Михайловича вы действительно потеряли. Что ж, теперь я займу его место», – думал он про себя, медленно всасывая воздух: новое тело его пока было слишком слабым.

От сплетников-медбратьев и медсестер он понемногу узнавал о прежнем хозяине своего нового тела: Артур был рядовым служащим не очень крупной компании, жил один в двухкомнатной квартире, доставшейся по наследству от родителей, и ни с кем не имел близких дружеских связей. Судьба этого в общем-то ничем не примечательного человека была понятна Тому, чье имя никто не знал, и он не смог придумать ни одной весомой причины, почему высшим силам захотелось, чтобы она пришла к своему логическому завершению позже, чем на двадцать седьмом году жизни. «Может, это как раз таки потому, что он не талантлив? Все же до тридцати чаще умирают писатели и музыканты, чем простые белые воротнички», – размышлял он, пожимая плечами. Ему предстояло прожить долгую, но заурядную жизнь.

Месяц спустя он выписался из больницы, и хотя его рабочее место заняла другая, не менее заурядная личность, его все еще ждала его двушка где-то между центром и окраиной города. Все в его жилище напоминало берлогу: тесные комнатки, плотные шторы на немногочисленных окнах и огромные запасы меда и законсервированных ягод. Приняв

ванну и разобрал больничные вещи, он повалился на продавленный, с бурыми отметинами диван и уснул – так сильно он устал, хотя он не до конца осознавал, от чего больше: от монотонных дней, проведенных в стерильно белой палате, или от тысячи прожитых жизней, истерших в кровь его безмяную душу.

Сон его был беспокойным: его мучил кошмар пережитых за долгие годы судеб. Ему снилось, как ходело его сердце, когда его, зверя, подстрелили подкараулившие его таежные охотники; снилось, как он был проклят и как загрыз собственную невесту, когда из человека превратился в чудовище после их первого поцелуя; снилось, как он был деревянным идолом, которого чужеземцы отняли у коренного народа и сожгли во имя своего, другого бога. Воспоминания – черные, как нефть, липкие, зловонные, – стекались вокруг него и застывали непробиваемой стеной. Он был закрыт от человеческого мира, и если это не делало его счастливым, то хотя бы успокаивало его.

Тот, чьего имени никто не знал, решил закрыться от мира не только во сне, но и в реальности. «Целями днями я буду спать, позабуду солнечный свет. И когда-нибудь я наконец умру и покину это слабое, хрупкое, бесполезное тело», – бормотал он, посылнее укутываясь в советское шерстяное одеяло с клетчатым узором.

Так он и жил, просыпая жизнь в своей душевной квартире с зашторенными окнами, и тело Артура Михайловича, которое он так не любил, ослабело еще сильнее. Питался он нечасто, пользуясь своими закатыми в трехлитровки запасами, и солоноватый вкус консервированных огурцов и сладость цветочного меда вскоре начали вызывать у него отвращение; из дома он никуда не выходил, даже на лестничную площадку.

Однажды, когда он уже совсем обессилел от того образа жизни, который он себе предписал, ему приснился сон – не такой, как тысячи предыдущих. В этот раз он плыл – нет, летел – на настоящем небесном корабле. Распростертое перед его глазами небо своим простором и своей прохладой действительно было похоже на океан, только вот барашки-облака были гораздо тучнее и шерстистее барашков из пены. Наш герой подошел к штурвалу и осторожно повернул судно направо.

В той стороне небесная синева стала еще ярче, а воздух – чище. Сбрасывая с себя белую дымку, Тому, чьего имени никто не знал, открывались редкие воспоминания о людях, которые приносили ему радость: о молодом монахе, который не боялся его

звериного обличья и кормил его хлебом каждый раз, когда тот к нему приходил; об одном канадском лейтенанте, с которым они играли в редкие мирные минуты Первой мировой войны; о мальчишке, который пожалел своего плюшевого друга детства и не сделал из него боксерскую грушу, а потом и вовсе передал его своим детям и внукам. Нервно сжимая золотое рулевое колесо парящего судна, Тот, чьего имени никто не знал, мечтал о том, чтобы его следующая жизнь была такой же счастливой, как и эти.

«А может, мне случится заявиться в человеческое тело в самом начале его пути? Впрочем, это так смешно...»

В этой жизни Тот, чьего имени никто не знал, уже больше не просыпался.

Ижевск – Москва

